

Католичество и Action Francaise.

(«POURQUOI ROME A PARLÉ». Au éditions Spes; «UN GRAND DÉBAT CATHOLIQUE ET FRANÇAIS». Cahiers de la Nouvelle Journée; J. MARITAIN. PRIMAUTÉ DU SPIRITUEL. Le roseau d'or).

Передо мной три книги, посвященные столкновению между Ватиканомъ и Action Française. Столкновение это глубоко волнуетъ католическую Францію и чревато расколомъ. Далеко не всѣ католики, сочувствующие Action Française, подчинились папѣ и это есть испытаніе для папскаго авторитета, идущее на этотъ разъ не слѣва, а справа. Для французскихъ католиковъ исторія ихъ близости съ Шарлемъ Моррасомъ и Action Française есть настоящей скандалъ, компрометирующій католичество, и только сейчасъ это вполнѣ выясняется. Съ точки зрѣнія вѣчныхъ истинъ христіанства соединеніе католиковъ съ Ш. Моррасомъ есть великій соблазнъ и ложь. И теперь прегрѣшившіе этимъ правые католики стараются замести слѣды и усиленно подчеркиваютъ тѣ стороны христіанства, о которыхъ сами слишкомъ забывали. Правые католики во Франціи всегда предпочитали Ш. Морраса Марку Санье и всегда соединялись съ Ш. Моррасомъ и его направлениемъ противъ М. Санье. Въ этомъ было что-то противоестественное. Ш. Моррасъ — атеистъ, позитивистъ-агностикъ и натуралистъ по своему міросозерцанію, язычникъ, ненавидящій Библию и Христа. М. Санье — вѣрующій католикъ, христіанинъ. Но Ш. Моррасъ — монархистъ, націоналистъ, страстный сторонникъ порядка и авторитета. М. Санье — сторонникъ социальнаго католичества, республиканецъ и демократъ. Очевидно, что для католиковъ, соединявшихся съ Ш. Моррасомъ противъ М. Санье вопросъ политическій былъ дороже, ближе и существеннѣе вопроса религіознаго. Пусть человекъ не вѣритъ въ Бога и ненавидитъ Христа, но если онъ поддерживаетъ національный, политическій и социальный порядокъ, онъ намъ

ближе того, кто вѣритъ въ Бога и Христа любить, но своимъ свободолюбіемъ и челоуѣколюбіемъ этотъ порядокъ подвергаетъ опасности.

Нужно сказать, что вообще политическое положеніе католичества во Франціи совершенно не нормально. Франція дѣлится на правыхъ католиковъ, враждебныхъ французской республикѣ, и на лѣвыхъ масоновъ, враждебныхъ католической церкви, и въ этомъ грубомъ дѣленіи совершенно раздавлены всѣ другіе типы. Католики болѣе свободолюбиваго типа подавлены и утѣснены. Трудно на первый взглядъ понять, какъ могъ Ж. Маритенъ, челоуѣкъ очень духовнаго направленія и подлинный христіанинъ, имѣть симпатіи къ Ш. Моррасу и къ А. Ф. (непосредственно онъ не принадлежалъ къ этому направленію). Объясняется это реакціей противъ модернизма, противъ гуманизма, противъ традиціи Руссо, противъ революціонной романтики. Эта реакція сейчасъ очень сильна и въ ней есть своя доля правды. Но забывали, что самъ Ш. Моррасъ есть другой полюсъ гуманизма, что есть не только гуманизмъ демократическій, но и гуманизмъ монархическій и аристократическій, который не менѣе натуралистиченъ и не менѣе принадлежитъ царству міра сего. Любопытно отмѣтить, что правые французскіе католики (томисты) имѣютъ уклонъ къ эстетизму, въ то время какъ лѣвые французскіе католики (модернисты) имѣютъ уклонъ къ морализму. Одни болѣе дорожатъ греко-римскими элементами христіанства, связанными съ возрожденіемъ античности, которое было уже въ схоластикѣ, дорожатъ интеллектомъ и космическимъ порядкомъ; другіе же болѣе дорожатъ чисто евангельскими элементами христіанства, связанными съ юдаистическими истоками, дорожатъ челоуѣческой личностью. Ш. Моррасъ могъ плѣнять своимъ эстетизмомъ. Въ его образѣ есть черты своеобразнаго благородства и донъ-кихотства. Онъ, повидимому, челоуѣкъ очень убѣжденный, искренній и безкорыстный, очень возвышающійся надъ другими газетными людьми Франціи. Но когда вдумываешься въ нынѣшній конфликтъ Ватикана и А. Ф., то остро чувствуешь, что Ш. Моррасъ есть страшная каррикатура на латинское католичество и вмѣстѣ съ тѣмъ очень серьезное для него предостереженіе, изобличеніе его отрицательныхъ и соблазнительныхъ сторонъ. Ложное обоготвореніе юридической идеи порядка и внѣшняго авторитета, ослабленіе сознанія христіанской свободы, доходящее почти до полного отрицанія свободы духа — вотъ срывы и соблазны католическаго латинскаго міра, которые у Ш. Морраса являются въ видѣ очищенномъ отъ вѣры въ Бога и Христа.

Концепція Ш. Морраса производитъ жуткое впечатлѣніе своимъ сходствомъ съ легендой о великомъ Инквизиторѣ. Дс-

стоевскій былъ несправедливъ къ католичеству, и католичеству, взятому во всемъ его многообразіи, никакъ нельзя приписать духъ Великаго Инквизитора. Гдѣ же онъ у Св. Франциска Ассизскаго и у большей части католическихъ мистиковъ и святыхъ? Но Ш. Моррасъ и А. Ф. обрадовали бы Достоевскаго, какъ подтвержденіе его Легенды. Французскіе католики, соединившіеся съ Ш. Моррасомъ и А. Ф., бросали зловѣщую тѣнь на католичество, наводили на мысль, что для нихъ социальный порядокъ дороже Бога. Осужденіе папой А. Ф. и католическая литература послѣ этого возникшая реабилитируетъ въ этомъ отношеніи католичество, обнаруживая преобладаніе мотивовъ чисто христіанскихъ. Съ кѣмъ католики соединялись? Съ чловѣкомъ, который ненавидитъ Библию и евангельскій образъ Христа, который враждебенъ всякой духовности и считаетъ самую идею Бога вредной, разрушительной и анархической. (см. книгу Ш. Морраса «Romantisme et revolution»). Истинныя основы жизни Ш. Моррасъ видитъ въ греко-римской цивилизаціи, въ установленномъ тамъ порядкѣ интеллектуальномъ, эстетическомъ и государственномъ (особенно интересна его статья «Invocation a Minerve»). Духъ Библии разлагаетъ эту цивилизацію и этотъ порядокъ, это есть духъ варварскій, переворачивающій все вверхъ ногами, источникъ всѣхъ революцій. Когда священное писаніе утверждаетъ, что Богу нужно повиноваться больше, чѣмъ людямъ, оно является источникомъ анархіи и революціи, оно колеблетъ всякій прочный порядокъ. На анархической идеѣ Бога, возстающей противъ порядка въ жизни міра и чловѣчества, нельзя построить прочнаго государства и цивилизаціи. Библейскія, евангельскія, юдаистическія и христіанскія начала вѣчно грозятъ опасностью низверженія цивилизаціи и государства, порядка и авторитета, формы и предѣла. Духъ Библии есть духъ разверзающейся безконечности. Порядокъ же основанъ на конечномъ. Внесите разрушительный, анархическій духъ безконечности въ нашу цивилизацію и въ ней будетъ низвергнута всякая форма, она погибнетъ. Вѣчная цивилизація есть цивилизація латинская. И Ш. Моррасъ ненавидитъ безконечность, онъ живетъ паѳосомъ конечнаго, онъ въ этомъ грекъ, античный чловѣкъ, не чловѣкъ христіанскаго періода исторіи. Для христіанской культуры бояѣ характеренъ Фаустъ съ его безконечными стремленіями. И вотъ этотъ ненавистникъ Библии и самой идеи Бога, этотъ язычникъ, для котораго греко-римскіе начала не превзойдены, этотъ позитивистъ, ученикъ и почитатель О. Конта, оказывается также страстнымъ почитателемъ католической церкви, восторгающимся ея дѣлами въ мірѣ, защищающимъ ее противъ антицерковныхъ и антиклерикальных теченій современной Франціи. Въ

чемъ причина этого парадокса? Отвѣтъ Ш. Морраса звучитъ для насъ совершенно какъ слова Великаго Инквизитора у Достоевскаго. Католическая церковь исправила дѣло Христа, обезвредила революціонный духъ Библии и превратила анархическую и разрушительную идею Бога въ силу организующую и поддерживающую порядокъ. И такая хвала католической церкви могла соблазнить и плѣнить католиковъ! Это производитъ жуткое впечатлѣніе. Такая идея порядка представляется намъ сатанической и антихристовой. Порядокъ безъ Бога, отрицающій духъ и свободу, и есть царство князя міра сего, царство антихриста. Такъ всегда думала русская религіозная мысль и она много сдѣлала для распознанія антихристово духа. Въ основѣ христіанства лежитъ не идея порядка, какъ думаетъ латинская мысль, а идея свободы и любви. Царство Христово есть свобода въ Богѣ и съ Богомъ и оно противоположно порядку безъ Бога, который есть царство антихриста. Идея Великаго Инквизитора и есть идея порядка безъ Бога, который организуетъ человѣчество и даетъ ему земное благо. Ш. Моррасъ болѣе всего боится свободы во Христѣ, свободы Христовой, и, повидимому, ея боялись и тѣ правые французскіе католики, которые Моррасу сочувствовали. И они должны были думать, что порядокъ на землѣ могутъ поддерживать лишь греко-римскіе, рационально-юридическіе элементы христіанства, а не элементы библейскіе и евангельскіе, не профетическій и мессіанскій духъ христіанства.

Ш. Моррасъ закованъ въ латинскомъ классицизмѣ и ничего не видитъ внѣ своего ограниченнаго міра. Онъ ненавидитъ романтизмъ, какъ измѣну классическому духу Франціи, какъ источникъ революціоннаго духа, но самъ онъ лишь романтикъ классицизма, ибо романтикомъ является всякій, обращенный исключительно назадъ. Невозможно вернуть Францію къ XVII вѣку, это — романтическая мечта. Ш. Моррасъ — представитель умирающаго міра, онъ — декадентъ. Онъ принадлежитъ къ тому типу безнадежныхъ романтиковъ, реакціонеровъ и декадентовъ, который нѣкогда нашелъ себѣ яркое выраженіе въ образѣ Юліана Отступника. И поразительно, какъ это католики изъ А. Ф. не замѣтили, что Ш. Моррасъ отступникъ отъ христіанства въ большей степени, чѣмъ Ницше. Для него христіанство есть возстаніе варваровъ-рабовъ, послѣднихъ, которые захотѣли быть первыми, христіанство — революціонно и источникъ всѣхъ революцій въ мірѣ. Въ этомъ Ш. Моррасъ идетъ за Ренаномъ. Онъ беспомощно хочетъ противопоставить анархіи нашей эпохи свою латинскую *intelligence*. Но *intelligence* Ш. Морраса очень походитъ на *intelligence* Тэна, она не болѣе высокаго качества, это не есть *intelligence* Томы Аквина-

та. Да и какая можетъ быть intelligence при полномъ торжествѣ эмпиризма! Ш. Моррасъ — политикъ и художникъ-эстетъ, онъ не философъ и исповѣдуетъ онъ самый наивный эмпиризмъ. Онъ пережилъ основное вліяніе О. Конта, котораго онъ цѣнитъ безмѣрно высоко. И это понятно. О. Контъ былъ уже католикомъ безъ Бога и Христа и очень цѣнилъ католическую церковь. Ш. Моррасъ цѣнитъ католическую церковь, какъ организующую силу, какъ орудіе соціального порядка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ совершенное художественное произведеніе. Но образъ Христа ему чуждъ и даже ненавистенъ, онъ пугаетъ его классическое латинское сознаніе. Для такого рода людей особенно страшень христіанскій мессіанизмъ и профетизмъ, имъ чуждо безуміе креста. Въ концепціи Ш. Морраса есть сильный элементъ антисемитизма. Любопытно отмѣтить, что крайніе правые германскіе націоналисты тоже являются сознательными врагами христіанства и, въ формѣ болѣе прямой и открытой, они считаютъ христіанство еврейской прививкой къ арійской культурѣ и хотятъ вернуться къ древнему германскому язычеству. Для закованнаго и закаменѣлаго въ греко-римскомъ и французскомъ мірѣ Ш. Морраса характерна также вражда къ Востоку и всему, что идетъ съ Востока. Но христіанство пришло съ Востока, какъ и всѣ религіи. Въ ненависти къ Востоку за Моррасомъ слѣдуетъ Массисъ, которому это менѣе позволительно, такъ какъ онъ считаетъ себя христіаниномъ.

А. Ф., вдохновляемое Ш. Моррасомъ, исповѣдуетъ совершенный аморализмъ въ политикѣ, натуралистическій націонализмъ, античное обоготвореніе государства, господство политики надъ духовной жизнью. А. Ф. отрицаетъ всякую евангельскую мораль, проповѣдуетъ ненависть къ Германіи и жаждетъ кровопролитія. Газета «Action Française» дышетъ ненавистью и злобой и наполнена почти нецензурными ругательствами. Ш. Моррасъ не постѣснялся сказать одному католику: ваша религія (т. е. христіанство) основательно загрязнила міръ. И заповѣди этой религіи для него необязательны. У католиковъ, связанныхъ съ А. Ф., еще разъ произошло рѣзкое обмірщаніе католичества, которое не разъ уже происходило въ исторіи. Ш. Моррасъ и А. Ф. есть изобличеніе ложныхъ сторонъ праваго, официально господствовавшаго католичества. Лѣвые католики модернисты въ этомъ отношеніи всегда были болѣе правы, ближе къ духу Евангелія. Смѣшно было бы думать, что съ точки зрѣнія Христовой Церкви Ш. Моррасъ лучше Ж. Ж. Руссо, — онъ еще хуже. Отрицательная правда А. Ф. могла бы быть въ возстаніи противъ безбожной и бездушной республики, противъ уродливыхъ сторонъ современной демократической цивилизации. Но на это имѣетъ право Л. Блуа, а не Ш. Моррасъ, который самъ

безбожникъ и отражаетъ страшное пониженіе духовности въ новой исторіи. Самъ Моррасъ есть порожденіе того ренессанскаго гуманизма, который привелъ и къ безрелигіозной демократіи и къ современной лаической цивилизаціи. Онъ исповѣдуетъ религію человѣчества.

Такъ называемые католики-модернисты всегда были противъ А. Ф., они были свободны отъ этого соблазна и скорѣе соблазнялись противоположнымъ. Поэтому положеніе ихъ сейчасъ лучше. Аббатъ Лабертоніеръ давно уже написалъ противъ Ш. Морраса и А. Ф. книгу «Positivisme et catholicisme». Не такъ давно вышедшій сборникъ Cahiers de la Nouvelle Journee «Un grand Debat Catholique et Francais» высказываетъ много несомнѣнныхъ истинъ, но онъ не имѣетъ большой остроты. Этой группѣ католиковъ не приходится оправдываться и заглаживать скандалъ. Въ первой статьѣ сборника Вилату доказываетъ, что идеи А. Ф. популярны главнымъ образомъ среди французской буржуазіи и что духъ А. Ф. есть духъ плѣненный «міромъ», его блескомъ и его царствомъ, свѣтски-буржуазный духъ. Буржуазный, плѣненный «міромъ» духъ А. Ф. выражается уже въ культѣ конечнаго, въ то время какъ христіанство обращено къ безконечному. Авторы сборника борются противъ аморализма, эстетизма и аристократизма Ш. Морраса и изобличаютъ его отвращеніе ко всякой духовности. Въ особой статьѣ критикуется концепція французской исторіи официального историка А. Ф. Бэнвилля. Интересно, что Бэнвилль отрицаетъ самый фактъ французской революціи. По его мнѣнію такого событія съ особымъ значеніемъ не было, а былъ бунтъ, беспорядокъ, скандалъ, разложеніе. Такъ въ наше время многіе изъ эмиграціи отрицаютъ фактъ русской революціи. Это доказываетъ, до какой степени пониманіе исторіи связано съ миеотворчествомъ. У Бэнвилля есть монархически-націоналистическій миеъ, съ которымъ онъ подходитъ къ исторіи Франціи. И онъ не видитъ революціи, ея значенія въ судьбѣ Франціи. У другихъ былъ миеъ революціонный и революція стала центральнымъ событіемъ въ судьбѣ Франціи и даже всего міра. Шпенглеръ не замѣтилъ христіанства въ исторіи, въ то время какъ для насъ оно опредѣляетъ всю исторію. Во всякомъ случаѣ Бэнвилль очень поверхностный историкъ, для него внутренняя исторія совершенно подавлена исторіей внѣшней. Авторы сборника модернистовъ возстаютъ противъ любви къ Франціи «по ту сторону добра и зла» и требуютъ подчиненія политики нравственнымъ началамъ. Они устанавливаютъ іерархію цѣнностей, въ которой цѣнности религіозной принадлежатъ высшее мѣсто. Въ этомъ дѣлѣ католики-модернисты торжествуютъ, они всегда хотѣли быть вѣрны евангельской морали и частичную ихъ прав-

ду сейчас подтвердилъ папа. Это не значить, конечно, что они вообще правы. У модернистовъ былъ и дурной модернизмъ, потворствованіе духу времени, нерѣдко ослабленіе вѣры.

Болѣе острый интересъ представляетъ сборникъ другой партіи, принадлежащей къ болѣе правому лагерю, исповѣдующей томистское міросозерцаніе. Ш. Моррасъ хотѣлъ союза и сотрудничества позитивистовъ, слѣдующихъ за О. Контомъ, съ католиками, слѣдующими за Томой Аквинатомъ*). Вотъ лучшіе изъ католиковъ, которые шли на этотъ союзъ и сотрудничество, и пробуютъ теперь въ деликатной формѣ размежеваться и осудить Морраса и А. Ф. Послѣ осужденія папой А. Ф., католики спохватились, что не подобаешь христіанину быть вмѣстѣ съ атеистомъ и язычникомъ, ненавистникомъ Библии и самой идеи Бога. И характерно, что въ сборникѣ правыхъ католиковъ-томистовъ оказалось очень много общаго съ сборникомъ лѣвыхъ католиковъ-модернистовъ, много обще-христіанскаго, одни и тѣ же аргументы противъ А. Ф. и Морраса, одинъ и тотъ же призывъ къ христіанской евангельской морали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ католическіе священники даже защищаютъ протестантовъ противъ Ш. Морраса и соединяются съ ними въ обще-христіанскомъ чувствѣ. Ш. Моррасъ иногда любилъ дѣлать видъ, что нападаетъ на протестантскаго Христа, на эксцессы и крайности въ образѣ Христа, какимъ онъ выраженъ въ христіанскихъ сектахъ и ересьяхъ. Христосъ католическій представляется ему обезвреженнымъ, исправленнымъ, подчиненнымъ античной мѣрѣ. Католики всѣхъ лагерей наконецъ поняли, что Ш. Моррасъ ненавидитъ и образъ церковнаго Христа, который передался и міру протестантскому. Въ дѣйствительности Ш. Моррасъ воспѣвалъ и высоко оцѣнивалъ католическую церковь, потому что очень дурно о ней думалъ, думалъ, что она есть христіанство безъ Христа, т. е. христіанство Великаго Инквизитора. Нынѣшній конфликтъ католической церкви съ А. Ф. тѣмъ и значителенъ, что въ немъ католичество заявляетъ, что оно есть христіанство съ Христомъ, вступаетъ за Христа. А. Ф. въ грубой формѣ возстало противъ папы и хочетъ придать дѣлу такой видъ, что осужденіе носитъ характеръ политической, а не религіозной. Нѣкоторые понимаютъ событія, какъ столкновеніе ультрамонтанства и возрождающагося галликанства. Обвиняютъ папу въ томъ, что онъ подвергся вліянію германской интриги. Самая сильная сторона позиціи Ватикана въ томъ, что подобно тому, какъ теперь осуждается правое направленіе А. Ф., раньше было осуждено лѣвое направленіе Sillon и М.

*) Тома Аквинетъ не былъ чистымъ монархистомъ и считалъ лучшей формой правленія смѣшанную, совмѣщающую начала монархическія, аристократическія или демократическія.

Санье. Католическая церковь наконецъ становится на ту позицію, что она не имѣетъ обязательной связи ни съ какимъ политическимъ направлениемъ и ни съ какой государственной формой, что католики могутъ быть монархистами и республиканцами, правыми и лѣвыми, но не могутъ утверждать обязательной связи католической церкви со своимъ направлениемъ. М. Санье, повидимому, утверждалъ, что демократія непосредственно вытекаетъ изъ Евангелія и потому обязательна для католика.

Изъ трехъ лежащихъ передъ нами книгъ, наиболѣе блестяща по мысли и по формѣ книга Ж. Маритена «*Primauté du Spirituel*». Онъ освободился въ этой книгѣ отъ соблазновъ, которыхъ не вполне былъ чуждъ въ прошломъ, и говоритъ много вѣрнаго объ абсолютномъ приматѣ духовнаго надъ мірскимъ, вѣчнаго надъ временнымъ, религіознаго надъ политическимъ. Въ немъ самомъ чувствуется большая духовность. Но безспорной и для насъ истинѣ онъ придаетъ форму, которая свидѣтельствуешь о границахъ латинской католической мысли. Абсолютный приматъ духовнаго надъ мірскимъ означаетъ для него приматъ папской непогрѣшимости и онъ возвращается къ средне вѣковой теократической идеѣ. Ему свойственна ложная съ нашей точки зрѣнія идея порядка и авторитета. И онъ принужденъ отрицать свободу мысли, которая не есть непременно свободомыслие и вольтеріанство. Маритенъ требуетъ не внѣшняго и показного подчиненія папѣ, а внутренняго и искренняго, духовнаго подчиненія, на которое большая часть католиковъ изъ А. Ф. неспособна. Но внутреннее, искреннее, духовное мое подчиненіе означаетъ вѣдь, что я самъ, черезъ свободу свою думаю тоже, что думаетъ и тотъ, кому я подчиняюсь. Все внутреннее, искреннее, духовно реальное всегда предполагаетъ свободу, активность и работу свободной совѣсти, свободнаго духа, свободной мысли. Но ее Маритенъ принужденъ отрицать, такъ какъ свобода совѣсти была осуждена Ватиканомъ подъ наименованіемъ либерализма (въ религіозномъ, а не политическомъ смыслѣ слова). Осужденіе либерализма основано было на томъ, что есть лишь свобода добра и истины, но не можетъ быть свободы зла и заблужденія. Но тогда добро и истина дѣлаются автоматическими, являются результатомъ необходимости и принужденія. При отрицаніи религіознаго либерализма, т. е. свободы совѣсти, подчиненіе Церкви дѣлается внѣшнимъ и автоматическимъ. И католики, сочувствовавшіе А. Ф., принуждены послѣ папскаго осужденія, какъ автоматы, иногда вопреки своей совѣсти, утверждать противоположное тому, что они утверждали раньше. Также нужно сказать о модернистахъ послѣ осужденія модернизма. Католики, въ частности и Мари-

тень, любятъ говорить, что грѣховная человѣческая свобода нуждается въ протекціи, въ покровительствѣ. Да, но покровительствѣ Бога, благодати Духа Св., а не внѣшняго принужденія. Тутъ мы сталкиваемся съ непреодолимымъ противорѣчіемъ православной и католической точки зрѣнія.

Очень хорошо говоритъ Маритенъ о существованіи двухъ традицій во Франціи: традиціи Св. Людовика и Жанны Д'Аркъ и традиціи Филиппа Красиваго и Людовика XIV. Онъ хочетъ слѣдовать первой традиціи. Моррасъ же и А. Ф. цѣликомъ находятся во второй традиціи, для нихъ Людовикъ XIV выше Людовика Св., версальскій паркъ выше и дороже средневѣковой Франціи. Въ своей книгѣ Маритенъ говоритъ также о русскомъ православіи и говоритъ съ симпатіей и сочувствіемъ. Но сознание его носитъ на себѣ печать границъ латинскаго сознанія, хотя онъ искренно стремится освободиться отъ отождествленія Христіанства съ латинствомъ. Маритенъ думаетъ, что православный Востокъ принижаетъ значеніе Логоса, что русская религіозная мысль смѣшиваетъ теологію, мистику и философію. Въ дѣйствительности это не такъ. Природа Логоса была раскрыта на Востокѣ, а не на Западѣ, разумъ и мысль присутствуютъ въ платонизмѣ не меньше, чѣмъ въ аристотелизмѣ, и русская религіозная мысль утверждаетъ не смѣшеніе теологіи, мистики и философіи, а духовную цѣлостность, озаренность познанія вѣрой, зависимость фрлософскаго и теологическаго познанія отъ духовнаго опыта. Маритенъ очень хорошо говоритъ, что христіанинъ долженъ освободиться отъ всего кромѣ Іисуса Христа. Въ этомъ мы вмѣстѣ съ нимъ. Но это означаетъ и требованіе освобожденія отъ власти Аристотеля и римскаго юридика. Маритенъ принадлежитъ къ очень немногимъ французамъ, которые чувствуютъ наступленіе новой эпохи въ христіанствѣ и не являются исключительно реакціонерами. Это у него отъ Л. Блуа, который антиподъ Ш. Морраса. Столкновение католической церкви съ А. Ф. представляетъ огромный интересъ и поученіе для насъ, такъ какъ у насъ есть свое Action Française — засилье правыхъ монархическихъ партій въ Православной Церкви, карловатство, съ той разницей, что Ш. Моррасъ является представителемъ утонченной культуры, изысканной интеллектуальности и пишетъ «La musique intérieure», въ то время какъ наше «Action Russe» отличается некультурностью, грубостью, низшимъ интеллектуальнымъ уровнемъ и изъ нѣдръ его выходятъ лишь погромные листки.

Николай Бердяевъ.